

ЛАСЛО В. МОЛЬНАР

Венгры и русские в зеркале истории контактов
(Уроки культурных контактов XVIII века)

Несмотря на то, что за прошедшие сто пятьдесят лет было написано множество замечательных работ по указанной в названии проблеме, в целом нас все же не могут удовлетворить общие результаты проведенных до сих пор исследований. Относительно хорошо известно, что баланс исторических исследований по этой теме мог бы быть благоприятнее, поскольку количество, качество и профессиональная добротность публикаций нередко отстают от современных научных требований. Со своей стороны, мы хотели бы подчеркнуть, что такие венгерские историки, как Лайош Таллоци, Шандор Марки, Антал Ходинка, Лайош Тарди, Янош Варади-Штернберг и Эмиль Нидерхаузер, опубликовали по-настоящему ценные, высокопрофессиональные работы по отдельным вопросам венгерско-русских культурных контактов. То же самое можно сказать о трудах В. М. Истрина, Н. И. Петрова, А. П. Барсукова, Н. И. Стеллецкого, П. П. Митрофанова и других представителей русской буржуазной исторической науки, а также ученых московского Института славистики, в том числе Т. М. Исламова и О. В. Хавановой. С некоторым сожалением нужно отметить, что несмотря на обилие полученных до сих пор научных результатов, пока не существует обобщающей работы по указанной в названии проблематике. Этот дефицит была призвана смягчить работа по контактологии, опубликованная автором этих строк в 1994 г. при поддержке Государственного университета в г. Йошкар Ола, а также его же книги «Magyar-orosz kulturális kapcsolatok (1750-1815)» («Венгерско-русские культурные связи /1750-1815/») и «Életutak találkozására (1703-1848)» («Встреча жизненных путей /1703-1848/»).

Прежде всего мне хотелось бы подчеркнуть, что мы не намерены рассматривать весь спектр венгерско-русских контактов XVIII в., поскольку это превысило бы размеры данной статьи. Со своей стороны, мы хотели бы привлечь внимания к тем «архимедовым точкам опоры», на которых покоилась система взаимных контактов и которые служат хорошей основой для понимания многообразных, многогранных отношений, направленных на взаимное ознакомление.

Венгерские и русские исследователи согласны в том, что XVIII век (до 1815 г., образования Священного союза) принес значительное оживление контактов между двумя странами. Можно доказать, что увеличение числа контактов и повышение их интенсивности были связаны и хорошо коррелировали с «более открытой» правительственной политикой европейского просвещенного абсолютизма, новыми тенденциями в международных отношениях. В указанный период отношения между Венгерским королевством, составлявшим «неотъемлемую» часть Габсбургской империи, и Россией, превратившейся в великую европейскую державу, не обременялись международными конфронтациями. Исследования Яноша Варади-Штернберга хорошо показали, что освободительная война под предводительством Ракоци (несмотря на поражение венгров) дала толчок, глубоко проникающие импульсы в самых различных сферах взаимных контактов. Не следует забывать и о том, что возвышавшаяся Россия, превращавшаяся в великую европейскую державу, испытывала жгучую необходимость в военных и гражданских специалистах, врачах, высококвалифицированных педагогах и ученых. Этим объясняется тот факт, что царская империя, проявлявшая религиозную терпимость, охотно принимала на государственную службу выходцев из Венгрии («хунгарусов»), протестантских интеллигентов, часто преследовавшихся на родине, и сербских переселенцев из южных провинций.

Исследования по истории контактов убедительно доказали, что в области культурных связей XVIII в. наиболее эффективными были венгерско-русские контакты в сфере медицины. На основании работ В. М. Рихтера, Я. Чистовича, Эмиля Шультейса, Лайоша Тарди, Константина Сильваи и автора этих строк ныне уже можно реконструировать деятельность врачей, достигших выдающихся профессиональных успехов в России, которую они считали своей второй родиной. У нас нет оснований стыдиться того, что подвергавшийся в Венгрии преследованиям протестант Пал Дёндёши, обучавшийся в немецких и голландских университетах и в 1753 г. поступивший на царскую службу, с 1763 г. работал придворным врачом Екатерины II. Высочайшей похвалы заслуживает и деятельность Христиана Пекена (секретаря Медицинской коллегии, составителя первого русского лечебника), возведенного в чин статского советника, и его сына, Матвея Пекена, известного петербургского профессора-хирурга, обучавшегося в Геттингенском университете. Значительную профессиональную карьеру сделал родившийся в 1738 г. в Шарошпатаке и с 1762 г. обучавшийся в московском Медицинском училище Ференц Керестури, декан медицинского факультета Мос-

ковского университета, один из пионеров нейрофизиологических исследований, почетный член многих иностранных академий наук. По крайней мере таких же крупных профессиональных результатов достиг родившийся в 1770 г. в закарпатском селе Паладь Янош Орлаи (секретарь Медицинской коллегии, домашний врач Александра I, с 1816 г. статский советник, друг И. В. Гете, воспитатель Н. В. Гоголя в Нежинской гимназии, директор одесского лицея), который заслуживает внимания потомков как полигистор, добившийся успехов в области медицины, ботаники, археологии, педагогики и изучения прародины. В числе замечательных врачей эпохи можно упомянуть и Дёрдя Коритари, венгра по происхождению, профессора-окулиста и декана Харьковского университета, который умер в 38-летнем возрасте.

В связи с карьерой педагогов-«хунгарусов» в России необходимо снова с сожалением сказать, что их деятельность даже не упоминается в венгерских работах по истории педагогики. А между тем с начала XVIII в. многие из них работали в передовых рядах образовательного дела в России и представляли профессиональные, этические и дидактические принципы, далеко превосходившие уровень эпохи. Известно, что Янош Зекань, родившийся в Карачфалве и обучавшийся в западноевропейских университетах, в 1698 г. был приглашен в Россию самим Петром I, там он стал воспитателем князей Нарышкиных, а потом будущего Петра II. Русский император настолько доверял ему, что назначил его управляющим царскими имуществами, однако из-за этого Зекань вступил в столкновение с царским любимцем, князем А. Д. Меншиковым.

Среди педагогов, переселившихся в Россию с территории Венгерского королевства, наибольших успехов, безусловно, добился родившийся в 1741 г. Ф. И. Янкович, который учился в Карловаце, Пожони и Вене. Будучи главным директором темешварского учебного района, он сыграл важную роль в распространении так называемого нормативного метода и современных педагогических принципов, разработанных И. И. Фельбигером. В 1782 г., по приглашению Екатерины II, он приехал в Россию, где с его именем связано создание в 1783 г. первой учительской семинарии и разработка «Устава народным училищам» 1786 года. За свою карьеру Янкович, которого называли «отцом русских народных училищ», написал около 30 учебников, множество пособий для учителей и педагогических инструкций, которыми пользовались в течение десятилетий.

Как преподаватель и как юрист заслуживает внимания родившийся в Закарпатье и обучавшийся в Шаторальяуйхее, Кашше и Вене Михай Балудянски (Балугьянский) (1769–1847), который в

1803 г., по приглашению Яноша Орлаи, приехал в Россию будучи профессором надъварадской Академии права. В течение нескольких лет Балудянски был учителем юриспруденции будущего царя Николая I, а затем был назначен первым ректором Санкт-Петербургского университета, основанного в 1819 г. В царствование Николая I он стал статс-секретарем по делам юстиции и составителем русского Свода законов в 15 томах. Одновременно с Балудянским в Россию прибыл Петер Лоди (бывший профессор Лембергского университета и коллега Игнаца Мартиновича), который в Петербурге стал деканом историко-филологического факультета университета.

Одним из «белых пятен» контактологических исследований является проблематика связей между Санкт-Петербургской Академией наук, основанной в 1725 г., и венгерскими учеными. В этой области с помощью дальнейших архивных изысканий необходимо пролить свет на российские связи Матьяша Бела, Максимилиана Хелла, Игнаца Борна, Дёрдя Кальмара, Йожефа Торкоша, Яноша Ханнулика, Игнаца Мартиновича, Игнаца Аурела Фесслера и других ученых. Было бы также целесообразно выяснить, кто представил работы о Венгрии на конкурсы основанного в 1765 г. Вольного экономического общества, и каких результатов добились авторы этих работ.

Велико наше отставание и в области изучения относящихся к России путевых заметок, дневников и мемуаров венгерских авторов того времени. Стоило бы посмотреть, какую характеристику получила Россия XVIII века в описаниях барона Ференца Тота, графа Морица Бенёвски, Ференца Калатаи, Балинта Ласло Эстерхази, и насколько отличались их мнения от мнений западноевропейских путешественников того времени.

Гораздо лучше обстоит дело с путевыми заметками о Венгрии русских путешественников XVIII и XIX вв., прежде всего офицеров и дипломатов. Ныне нам уже хорошо известны касающиеся нашей страны записки В. Г. Барского, А. И. Тургенева, Ф. Н. Глинки, В. Б. Броневского, А. М. Данилевского и других, являющиеся ценными документами, касающимися социального, политического, экономического и культурного положения Венгрии того времени.

Благодаря исследованиям в области истории контактов мы хорошо знакомы с жизненным путем тех русских учащихся (в том числе И. И. Фальковского, А. Пекалицкого, А. П. Ставинского и других), которые какое-то время обучались в венгерских средних и высших учебных заведениях. С этой проблематикой тесно связан вопрос о том, какие религиозные и научные произведения и учебники на русском языке проникли в то время в Венгрию, в первую

очередь к сербам южных провинций страны. Однако у нас возникает явное чувство неудовлетворенности, когда мы ищем отклики на культурные контакты в прессе обеих стран. Мы не располагаем работами, в которых анализировалась бы рецепция венгерских научных и культурных достижений XVIII в. на страницах русских журналов и газет. Зато с венгерской стороны Лайош Тарди, Кальман Бор и автор этих строк уже сделали попытку показать отклики в венгерской печати на русскую культуру 1780–1815 гг., а также тех редакторов и публицистов, которые своими популяризаторскими статьями и рецензиями внесли значительный вклад в ознакомление венгров с выдающимися достижениями «другой стороны». На основании указанных работ вырисовывается картина, пусть даже мозаичная, дающая представление о том, что мог знать читатель того времени о духовной жизни России, о Петербургской Академии наук, о работавших в ней ученых, об основанном в 1755 г. Московском университете, о высших учебных заведениях, открытых в начале XIX в., о реформах Екатерины II и Александра I.

Эти контактологические данные убедительно доказывают, что хотя мы и не можем говорить о систематических венгерско-русских отношениях XVIII в., об официальном сотрудничестве на основе международных договоров, все же нельзя отрицать, что в этот период взаимный интерес двух стран друг к другу проявился невиданным ранее образом. В то же время мы хотим обратить внимание и на то, что связи между двумя странами в то время, по всей видимости, могли быть еще более интенсивными и эффективными, если бы на венгерское общественное мнение не повлиял синдром «Давида и Голиафа», чувство опасности, исходящей от «северного колосса». После трех разделов Польши занимавшееся политикой дворянство с некоторым беспокойством следило за новостями из «империи русского медведя», которые могли породить представление о возможности военной экспансии.

Культурные контакты XVIII века, даже при взгляде на них с 200-летнего расстояния, служат вечным уроком, внушая, что народы всегда должны подходить к гражданам соседних стран с пониманием, необходимым тактом и стремлением к взаимному сближению. Ключевую роль в этом играют строители «культурных мостов», которые своими не теряющими ценности творениями создают «архимедовы точки», на которых строится система связей в области науки и искусства. Но при исследовании этих связей нецелесообразно смотреть, какая из сторон дала больше, а какая меньше, ведь венгерско-русские культурные контакты XVIII в. ясно свидетельствуют о том, что и относительно небольшой по численности народ способен

достичь значительных результатов и играть роль посредника в передаче ценностей, порожденных в другом культурном регионе. Таким образом, наша задача состоит не в «подсчитывании» достижений друг друга, а скорее в поиске уже забытых, известных ныне лишь узкому кругу специалистов фактов из истории культуры и обобщении этих фактов в работах по истории контактов.

Избранная специальная литература

- Bor Kálmán: Orosz tudományos és irodalmi vonatkozások a magyar nyelvű hírlapirodalomban, 1780–1824. In: Tanulmányok a magyar–oroszl kapcsolatok köréből. I. k. Szerk.: Kemény G. Gábor. Budapest, 1961. 86–120.
- Gál István (szerk.): Magyarország és Kelet-Európa (A magyarság kapcsolatai a szomszéd népekkel). Budapest, 1947.
- Hodinka Antal válogatott kéziratai. Vál. és szerk.: Udvari István. Nyíregyháza, 1993.
- Kovács Endre (szerk.): Magyar–oroszl történelmi kapcsolatok. Budapest, 1956.
- Márki Sándor: Nagy Péter cár és II. Rákóczi Ferenc szövetsége 1707-ben. Budapest, 1913. (Értekezések a történelmi tudományok köréből 23.)
- Niederhauser Emil: Az orosz felvilágosodás. Budapest, 1966.
- Papp Ferenc: Lomonoszov, Kalmár György és a csúdok. In: Magyar Nyelv, 1980/1. 1–10.
- Richter, W. M.: Geschichte der Medizin in Russland. Bd. 1–3. Moskau, 1813–1819.
- Schultheisz Emil – Tardy Lajos: Fejezetek az orosz–magyar orvosi kapcsolatok múltjából. Budapest, 1960.
- Szilvay Konstantin: Keresztúri Ferenc (1735–1811). In: Országos Osvostörténelmi Könyvtár Közleményei, 21–22 (1961). 54–103.
- Szvák Gyula: Moszkóvia és a Nyugat. Budapest, 1988.
- Tardy Lajos (ford. és szerk.): Oroszl és ukrán utazók a régi Magyarországon. Budapest, 1988.
- Tardy Lajos: Balugyánszky Mihály. Budapest, 1954.
- Tardy Lajos: Kaukázusi magyar tükrök. Budapest, 1988.
- Thallóczy Lajos: Oroszlország és hazánk. Budapest, 1884.
- Udvari István (szerk.): Hodinka Antal Emlékkönyv. Nyíregyháza, 1993.
- Váradl-Sternberg János: Századok öröksége (Tanulmányok az orosz–magyar kapcsolatokról). Budapest–Uzsgorod, 1981.
- Váradl-Sternberg János: Utak, találkozások, emberek. Uzsgorod–Budapest, 1974.
- V. Molnár László: Életutak találkozása 1703-1848. Piliscsaba, 2004.
- V. Molnár László: Magyar-oroszl kulturális kapcsolatok (1750-1815). Piliscsaba, 2000.
- Барсуков, А. П. Жизнь и труды В. Г. Барского. Санкт-Петербург, 1885.
- Варади-Штернберг Янош. Мир поэзии и дружбы (Исследования в области русско-венгерских связей). Ужгород, 1979.
- В. Мольнар Ласло. Деятельность педагогов-выходцев из Венгрии в России (1703–1848). In: Studia Slavica, t. 49 (2004)/3-4. 315-339.
- В. Мольнар Ласло. Русско-венгерские культурные связи (1750–1815). Йошкар-Ола, 1994.
- Исламов, Т. М. Проблемы истории Венгрии и их решение в советской исторической науке. Сотрудничество венгерских и советских историков. Red.: Mucsi Ferenc. In: Studia Historica, 1977. 67–88.
- Истрин, В. М. Путешествие А. И. Тургенева и А. С. Кайсарова по славянским землям в 1804 году. Петроград, 1915.
- Косачевская, Е. М. М. А. Балугьянский и Петербургский университет первой четверти XIX века. Ленинград, 1971.

- Митрофанов, П. П. Оппозиция реформам Иосифа II в Венгрии. Санкт-Петербург, 1905.
- Петров, Н. И. Автобиографические записки преосвященного Ириния Фальковского. Часть 1. (1762–1783). In.: Труды Киевской Духовной Академии, 1907. Книга 7. 456–479.
- Стеллецкий, Н. И. Протоиерей А. А. Самборский. In: Труды Киевской Духовной Академии. Киев, 1896. 182–202, 342–363, 486–526.
- Хаванова, О. В. Нация, отечество, патриотизм в венгерской политической культуре: движение 1790 года. Москва, 2000.
- Чистович, Я. История первых медицинских школ в России. Санкт-Петербург, 1883.
- Шультейс Эмиль – Тарди Лайош. Главы из истории русско-венгерских медицинских связей. Москва, 1976.
- Шушарин, В. П. – Исламов, Т. М. – Пушкаш, А. И. Краткая история Венгрии. Москва, 1991.